

О России с любовью

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

•

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
И ДАРЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА

•

НАСЛЕДНИЦА ВЕЩЕГО ОЛЕГА

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ВОИНСКОЙ УДАЧИ

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ГУННХИЛЬД,
СЕВЕРНАЯ НЕВЕСТА

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Гуннхильд, северная невеста / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-04-091257-5

После того как на пиру конунг Олав из рода Инглингов оскорбил Кнута, старшего сына Горма из рода Кнютлингов, две знатные семьи снова вступили на тропу войны. И пока Олав искал поддержки в соседних землях, его мать Асфрид и дочь Гуннхильд посчитали за лучшее просить защиты у своей дальней родственницы — королевы Тюры, жены Горма и матери Кнута. Красавица Гуннхильд, оказавшаяся в положении добровольной пленницы, почти сразу же сделалась невестой Кнута, вот только взгляд ее все чаще стал обращаться в сторону младшего сына Горма — Харальда. Но что может быть между ними, если Харальд, вначале принявший Гуннхильд за ведьму, относится к ней с подозрением, а настоящая злая сила таится прямо у них под боком?..

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091257-5

© Дворецкая Е., 2018
© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Южная Ютландия, около 950 года.

Пролог

Как положено семилетнему мальчишке, Харальд, третий из четырех детей конунга Горма и жены его, королевы Тюры, был любознателен, непоседлив и по-детски бесстрашен. И робкие дети порой совершают опасные для жизни или безрассудные поступки, даже не подозревая об этом, а Харальд, как истинный потомок конунгов, уже тогда поглядывал, не появится ли где дракон. В погожие дни он от зари до зари бродил по лесам и полям вокруг усадьбы Эбергорд, чаще во главе собственной «дружины» из мальчишек того же возраста, сыновей хирдманов и из челяди, а порой и один. Как в зрелом возрасте, так и в детстве Харальд, сын Горма, никогда не скучал в одиночестве: будучи общительным человеком, он умел и любил поддерживать беседу с кем угодно и о чем угодно, но за неимением собеседника общества себя самого ему было вполне достаточно.

Дракон пока не появлялся, зато обнаружилась одна странность. Как-то осенним вечером Харальд заметил, как его сестра Гунн, самая старшая из детей Горма, выскользнула из дома и исчезла в лесу. При этом она воровато оглядывалась, будто не хотела быть замеченной. Гунн исполнилось пятнадцать лет, и два года назад ее обручили с Эйриком, любимым сыном прославленного норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого. Эта зима будет последней, которую Гунн проведет в родительском доме и вообще в Дании: летом за ней придет из Норвегии корабль,

чтобы увезти к жениху. Харальд знал, что Гунн опасается отъезда в далекую страну, где ей придется жить среди чужих, — она нередко говорила об этом с матерью. Понимая, сколько явных и скрытых опасностей ей будет угрожать, она охотно изучала руны и обучалась составлять разнообразные заклинания. Сам Горм наставлял ее, понимая, что будущей королеве это пригодится. Гунн всегда увлекалась тайными силами, знала на память много разных заклятий, целебных трав, умела вязать заговоренные узелки. В семье ее в шутку дразнили колдуньей, а младшие братья, Кнут и Харальд, верили, что их сестра умеет ворожить.

Поэтому, заметив, как Гунн в одиночестве направляется к лесу, Харальд сразу насторожился. А вдруг удастся увидеть, как Гунн поедет верхом на волке? Или вызовет тролля из-под камня и заговорит с ним? Или поднимет мертвеца из старой могилы? И мальчик, таясь за кустами, устремился за сестрой.

Натопанную тропу, ведущую в соседнюю усадьбу, Гунн давно оставила в стороне и теперь уверенно пробиралась по едва заметной стежке. Значит, не Торгерд, жену Регнера-ярла, она собралась навестить. Харальд прилагал немало усилий, чтобы не отстать и не потерять сестру из виду. Рослая, развитая для своих лет, светловолосая Гунн обычно была заметна в любой толпе, но сегодня, одетая в простую некрашеную одежду, в буром суконном плаще, она почти сливалась со стволами и ветвями унылого осеннего леса. Вот она оглянулась; Харальд поспешно присел за куст. А когда несколько мгновений спустя осторожно выглянул, сестра исчезла!

Прячась за ветками, он подобрался к тому месту, где видел ее в последний раз, но под искривленным дубом никого не было. Огляделся, но бурого плаща не приметил. Вокруг было тихо, сгущался между деревьями вечерний туман. А Гунн исчезла. Подумалось даже, что ее здесь и не было и все это ему померещилось. Или у нее плащ-невидимка?

Харальд вернулся домой, но о своем маленьком приключении никому не сказал. Не поделился даже с братом или своим лучшим другом, Сигвардом, сыном Регнера. Это теперь была его тайна, и он хотел разобраться в ней сам.

С этого дня Харальд стал по вечерам следить за Гунн и дня через три-четыре вновь увидел ее в буром плаще. Куда ей идти в такое время, да еще под морозящим дождем? И мальчик во весь дух пустился бежать к тому месту, где сестра исчезла в прошлый раз. Найти искривленный дуб с почерневшей от дождя корой ему удалось не сразу, но зато вовремя: едва он затаился в кустах, как мимо торопливо прошла Гунн. Сегодня она выглядела более взволнованной, чем в прошлый раз, и почти бежала, не глядя по сторонам.

Взрослый наблюдатель решил бы, что у конунговой дочери свидание с каким-нибудь неподходящим парнем, но семилетнему Харальду это не пришло в голову. Он чуял здесь жуткую и увлекательную тайну и крался за сестрой, настороженный, будто охотник на тропе.

Шли они еще довольно долго, и Харальд уже побаивался, что не сумеет найти дорогу обратно. К тому же темнело, и он едва мог разглядеть в сумерках идущую впереди Гунн. Но пути назад не было, и он следовал за сестрой, будто привязанный невидимой веревкой.

Вдруг во мраке впереди блеснул огонь.

Девушка вышла на поляну. Будто окаменевший хоро-вод, здесь стояли высокие, в рост человека, серые камни. Между ними двигался огонек. Харальд испуганно присел: он не знал, что это за место, но ему сразу стало не по себе. Гунн остановилась возле ближайшего камня. Приглядевшись, Харальд разобрал, что там, в кругу, ходит женщина с факелом в руке. Она была уже далеко не молода, но ее длинные волосы были распущены, а на поясе висело множество каких-то мелких предметов. В другой руке она держала высокий посох.

И тут Харальд сообразил, кто это. Ведьма Ульфинна! Он слышал разговоры, что где-то в этом лесу с незапамятных времен живет старая ведьма. Она уже была, когда дед Хёрдакнут построил здесь усадьбу, состарилась здесь, потом стала опять молодой, потом снова состарилась. Многие не верили в это.

Зачем сюда пришла Гунн? Наверное, поучиться колдовству! Уж конечно, ведьма, которая умеет из старухи становиться снова молодой, может научить такому, чего больше никто не знает. Он огляделся, не привязан ли где-нибудь ездовой волк со змеями вместо поводий, но ничего такого не заметил.

Прижавшись к дереву, какое-то время Харальд наблюдал, как темная сгорбленная фигура с факелом в руке ходит от одного камня к другому, вроде бы разговаривая с ними — черная среди черных, похожая на еще один, оживший камень. Потом к ней подошла Гунн и что-то отдала. Обе женщины, старая и молодая, принялись кружиться, все быстрее и быстрее, выкрикивая непонятные слова и завывая. Факел чертил в темном воздухе сплошную огненную линию; было похоже, будто пламенные змеи вьются в темноте. Завороженный этим зрелищем, Харальд и забыл, что надо прятаться, а потом... Факел упал наземь и погас, и последнее, что мальчик успел увидеть — словно бы две черные птицы взметнулись в воздух и пропали.

И исчезло все: огонь потух, и мальчик больше не видел ни стоячих камней, ни ведьмы, ни сестры. Стояла тишина, и он чувствовал, что остался здесь совсем один! Только он, шепчущие деревья, молчащие камни...

Сколько он так сидел, оцепенев? Испугавшись вдруг, что сам окаменеет, Харальд вскочил и побежал обратно. Вершины леса едва виднелись на темно-синем небе, и он сам не знал, каким чудом находил дорогу. Он устал, задыхался, но бежал изо всех сил, а если бы мог, то помчался бы еще быстрее. Его не оставляло чувство, что молчаливые

камни, давно скрывшиеся за лесом, все так же смотрят ему вслед, а две черные птицы вот-вот выпадут из темноты и вопьются в затылок кривыми железными когтями. . .

Но бежать ему пришлось не больше половины пути. Впереди слышались крики, лай собак, мелькание огней. Громкие голоса повторяли его имя — это Тюра и Горм, обнаружив, что младшего сына нет дома, послали челядь его искать.

Когда его наконец привели домой, Харальд не мог ответить на вопрос, что делал в темном лесу. Гунн оказалась уже там, сидела с женщинами у очага, пряла шерсть осенней стрижки и была не менее других встревожена исчезновением младшего из братьев. Он хотел сказать, что пошел за ней — и не мог. Хотел спросить у Гунн, правда ли она ходила этим вечером в лес — и не мог, будто забыл все слова или язык онемел. В конце концов его уложили спать, так и не добившись ответа.

* * *

Набегавшись и замерзнув, Харальд заснул сразу. А во сне опять очутился в лесу, но теперь это был другой лес — летний, светлый, приветливый. Кругом волновались цветущие травы, на ласковом ветерке шумели деревья, под ногами краснела спелая земляника. Навстречу ему вышла молодая женщина с распущенными волосами — чем-то она напомнила Гунн, и Харальд ничуть не испугался. Женщина подошла к нему, ласково улыбаясь, взяла за руку и куда-то повела.

Шли они недолго — во сне все происходит быстро. Не успел он оглянуться, как перед ними уже открылся домик — вросший в землю, с дерновой крышей, на которой пестрели цветы. Дверь была открыта, внутри заманчиво пылал огонь. Женщина подвела Харальда к двери и знаком предложила войти; без малейшего страха мальчик шагнул за порог. . . и вдруг провалился в яму.

Глядя вверх, на прямоугольник отдаленного света, он видел склонившуюся над ямой женщину: она уже не улыбалась. «Ты больше не будешь ходить в лес за твоей сестрой, — прозвучал холодный злой голос. — Ты забудешь обо всем, что видел. Ты не сможешь рассказать об этом, язык твой умрет, слова расползутся из памяти».

Вдруг лицо ее стало покрываться морщинами, нос заострился, глаза провалились — красавица стремительно превращалась в старуху, седую и уродливую. А потом кожа сползла с лица, обнажив череп — это был мертвец, но седые космы по-прежнему свисали вокруг пустых глазниц и оскаленных зубов. Харальд закричал и забился — точнее, попытался, охваченный невыразимым ужасом, но не смог шевельнуться, не смог издать ни звука, как это часто бывает во сне. Все мышцы и язык сковала неодолимая тяжесть, душу наполнила безнадежность. Он понял, что пропал, совсем пропал, погибает и нет никакого пути к спасению. А мертвец стал бросать в яму землю; она сыпалась Харальду на грудь, на лицо, он чувствовал возрастающую тяжесть и вместе с тем ясно ощущал, как с каждым мгновением все дальше от него уносится дневной свет, свежий воздух, свобода, жизнь. Земли все больше, она уже лежит на его груди и лице, он больше не может вдохнуть и лишь задерживает дыхание, но понимает, что надолго этого не хватит, что у него впереди лишь несколько мгновений жизни. Стены смыкались наверху, заслоняя последние лучи света. Груда земли на нем уже так велика, что никогда ему не хватит сил стряхнуть ее и встать. И ее все больше, больше... Он погребен навсегда. Прощай, свет, воздух, жизнь! Это конец... Удушье разошлось по телу...

И все погасло. Теперь он знал, как умирают.

Харальд проснулся с диким криком, обливаясь потом. Подскочил спавший рядом старший брат Кнут, проснулись хирдманы, прибежала их бывшая нянька Аса, потом позвали мать. Харальд сидел на постели и трясся всем телом,

держась за горло, стучал зубами и не мог говорить. Его напоили отваром из цветков вереска, лепестков шиповника и земляничного листа, что успокаивает и помогает уснуть, завернули в одеяло, и сама Тюра сидела с ним всю ночь, держа на коленях и укачивая свое младшее дитя. Его уже обучали воинским искусствам, и с осенних пиров он первую зиму жил в дружинном покое, но для Тюры все еще оставался маленьким мальчиком.

Кое-как рассказать о своем сне он смог только утром, после того как его умыли наговоренной водой и повесили на шею палочку с защитными рунами. Но говорил Харальд с трудом, спотыкаясь на каждом слове, а о своей вечерней прогулке к стоячим камням не упомянул — он просто об этом не помнил. Даже вид обеспокоенной Гунн не пробудил воспоминаний о том, что пошел-то он в лес по ее следам. Даже когда Тюра предложила дочери применить свои умения и сделать для брата амулет, отгоняющий дурные сны, и Гунн охотно согласилась, Харальд не вспомнил, что сестра и была первой причиной всего.

Наступления следующего вечера он ждал с ужасом, твердо уверенный, что та женщина снова придет за ним и поведет в свой домик-ловушку. Он отказывался ложиться в постель, если мать не будет сидеть рядом и держать его за руку. Тогда Горм положил рядом с сыном свой собственный меч — нет лучше средства от злой ворожбы и плохих снов, а еще вырезал вязаную защитную руно над лежанкой сыновей.

Благодаря рунам, отцовскому мечу и заветам Харальд спал спокойно: страшная женщина больше к нему не приходила. Но до конца он так и не оправился, и хотя в целом его речь наладилась, небольшое заикание осталось на всю жизнь.

До лета все было спокойно. Может быть, Гунн еще не раз посещала Ульфину, но Харальд больше не замечал ее отлучек. В середине лета за невестой пришел корабль, и Гунн уехала к своему жениху Эйрику.

А после ее отъезда словно пелена спала с памяти Харальда, и он разом вспомнил все: тайные прогулки сестры, свою погоню за ней по лесу, кружение старухи с факелом среди стоячих камней... И теперь он смог рассказать об этом матери. Тюра передала его слова отцу, и разгневанный Горм приказал хирдманам немедленно схватить Ульфинну, которая обучала неведомо чему его дочь и испортила сына.

Ради чести Гунн дело не стали предавать огласке, но ведьму поймали и утопили в море, надев на голову кожаный мешок. Жуткий сон про яму повторялся и после ее смерти, но очень редко, не каждый год.

Взрослея, Харальд все лучше понимал, какой страшной опасности подвергался и как ему повезло, что он отделался лишь небольшим заиканием. Иной раз доходили слухи, что Гунн и в Норвегии не оставила занятия колдовством и даже вроде бы обучалась у тамошних финнов, великих искусников по части чар. С годами за Гунн, матерью все возрастающего семейства, установилась слава сильной колдуньи. Теперь Харальд не сомневался, что перед замужеством она тайком бегала к Ульфинне ради чародейской науки, хоть это и не к лицу женщине высокого рода.

С тех детских лет в душе Харальда, сына Горма, навсегда поселилась брезгливая ненависть к ведьмам, злым чарам, коварным женщинам. Теперь это был уже не мальчик, а мужчина двадцати пяти лет, самый рослый в дружине, один из сильнейших бойцов, отважный и решительный, недоступный для детских страхов.

Но прошлое ожило в памяти, когда он совсем этого не ждал. Когда однажды он увидел Гуннхильд, дочь Олава, — рыжеволосую девушку, носившую то же имя, что и его старшая сестра-колдунья, тоже способную становиться то старой, то молодой...

Часть 1

— **А**я тебе еще раз говорю: надо отдать этих женщин! Это самое лучшее, что мы можем сделать!

Гуннхильд вздрогнула, сделала Бирте знак молчать и припала к щели в дощатой перегородке. Бирта, пятнадцатилетняя дочь хозяина дома, позвала ее в кладовую, чтобы показать вышивку на своем будущем свадебном платье. Дверь кладовой открывалась в «теплый покой», иначе грид; и едва девушки вошли, как в гриде появился сам хозяин, Торберн по прозвищу Сильный, а с ним и другие хёвдинги вика Хейдабьор. В другой раз Гуннхильд и не подумала бы подслушивать чужие разговоры, но сейчас замерла и насторожилась. Женщины, о которых шла — или могла идти — речь, была она сама и ее две ближайшие родственницы. Голос принадлежал Хрольфу по прозвищу Хитрый, крупнейшему в вике торговцу рабами.

— Сразу видно, что ты привык торговать женщинами! — отозвался кто-то из пришедших с хозяином мужчин. — Может, уже и цену прикинул? Опомнись, ведь речь идет о матери нашего конунга!

По голосу Гуннхильд узнала Альвбада, фриза¹. Фризы, когда-то основавшие поселение у фьорда Сле, и сейчас составляли значительную часть его жителей, и Альвбад принадлежал к одному из наиболее влиятельных родов.

---

¹ Фризы — германоязычный народ, древние жители побережья Северного моря. (Здесь и далее прим. автора.)

— А где он теперь, этот конунг? — сердито ответил ему венд Гостислав. Похоже, Торберн созвал к себе видных людей из всех общин Хейдабьора, наверное, и от саксов кто-нибудь был. — Боги от него отвернулись! Кнут, сын Горма, гнал его по собственной земле, будто волк зайца! Он был разбит и у границы, и здесь, перед виком! Чудо, что Кнут еще не занял Хейдабьор! Что нам пользы от Олава?

— Он всегда был дураком и неудачником! — отрезал Хрейн Дупло, и Гуннхильд за перегородкой поморщилась: кому понравится слышать такое о родном отце. — Разве этот человек может править страной? Вот Сигтрюгг был настоящий конунг! А этому лишь бы стоять на носу, не важно чего, и чтобы плащ развевался! Он сам виноват, что все это с ним случилось! Ни разу еще он не проехал по своей же земле, чтобы с кем-нибудь да не поссориться! Его пригласили на пир, оказали честь, так нет, он даже не может спокойно посидеть за столом и выпить во славу богов, как приличные люди!

— А это правда — насчет ковша? — хихикнул Гуннар, сын Асмунда, известный в Хейдабьоре как Горе Гуннар.

— Правда, — вздохнул Оттар Синий, неплохой человек, если не считать большой склонности к выпивке.

— Прямо так — ковшом по лицу? Сыну конунга?

— Прямо так.

— И ковш раскололся?

— Раскололся.

— Да что же у него голова — железная, что ли?

— Не знаю, но я сам видел. Может, ковш был уже старый и треснутый.

— Старый, не старый! — с раздражением перебил их Снорри Черный Скальд. — Если бы мне дали на пиру, при всех гостях, ковшом по морде, я бы не успокоился, пока бы не сжег весь дом того, кто это сделал, а его самого разорвал бы на части! А это ведь сын конунга! Неудивительно, что

он стоит с дружиной возле самого вика. Странно, что он еще не ворвался сюда и не прикончил нас всех!

— Но мы-то почему должны отвечать за его дела? — зашумели сразу все хёвдинги, наиболее богатые торговцы из постоянно проживающих в вике Хейдабьор, и хозяйева ближайших усадеб. — То мы, а то конунг!

— Мы за него отвечать не можем!

— Пусть Кнут ищет его в море, если ему обидно!

— Вот я и говорю: надо отправить к нему женщин! — снова начал Хрольф Хитрый, невысокий, щуплый, шустрый мужчина лет тридцати. Обычно его подвижное лицо выражало наивное дружелюбие, но на деле это был человек расчетливый и бессердечный. Разбогател он на том, что скупал у викингов захваченных пленников и перепродавал на Восточный путь и в Грикланд. — Пока они у нас, мы как бы остаемся людьми Олава и врагами Кнютлингов. А если мы их отдадим, то Кнут будет знать, что Олав сам по себе, а мы сами по себе, и не тронет вик!

— Он и так не тронет вик: он же не дурак! — воскликнул старый Ульф. — Ни один конунг, если у него на плечах голова, а не только шлем с узорами, не станет разорять вик.

— А если дурак? — возразил Гостислав. — Кнут, сын Горма, еще совсем молод. Он еще не умеет думать о завтрашнем дне. Ему лишь бы пограбить и прославиться. А дальше хоть море высохни!

— Тем более наши конунги враждуют с Кнютлингами уже три поколения, с тех пор как Олав Старый здесь появился.

— Да вы совсем обезумели, я посмотрю! — Гуннхильд узнала мощный рык Торберна Сильного. Раздался гулкий удар кулака по столу: у хозяина иссякло терпение. — Кто здесь сказал про Олава Старого? Ты, Хрейн? Значит, память какая-то еще есть! Или вы забыли, что уже лет полтора наш вик живет в союзе с конунгами из рода Годфреда Грозного, что положил начало Хейдабьору?